

Экономическое измерение сохранения культурного наследия (по материалам всемирного доклада ЮНЕСКО –2000)¹

В быстро меняющемся современном мире культурное наследие, позволяющее людям понять, кто они, откуда и в чем состоит смысл их жизни, приобретает особую важность; в то же время постоянно возрастает природная и антропогенная угроза сохранению культурного наследия человечества. В этих условиях переосмыслению подвергается само понятие *культурное наследие*, равно как и понимание социальной роли и экономической ценности культурного наследия. Наконец, возникает необходимость осознать долговременный характер фактора сохранения наследия, который прямо указывает на взаимосвязь наследия и устойчивого развития. Все это имеет непосредственный выход в практику культурной деятельности и требует среди прочего и политической инструментализации.

Что следует сохранить и от чего можно отказаться ради прогресса? Решение может стать результатом эмоционального отношения или искусствоведческого суждения. Но у решений по вопросам наследия, и прежде всего в части материального культурного наследия, есть и *экономическое измерение*.

В 1959 г. Египет и Судан обратились к ЮНЕСКО за срочной помощью в деле спасения археологических местонахождений и памятников, которым в результате строительства Асуанской плотины угрожало затопление. Такой призыв поступил в ЮНЕСКО впервые со дня основания этой международной организации и, в сущности, поставил на повестку дня задачу создания институциональной основы сохранения выдающихся памятников мирового культурного наследия.

8 марта 1960 г. Генеральный директор ЮНЕСКО Витторино Веронезе обратился к государствам, учреждениям, общественным и частным фондам и всем людям доброй воли с призывом оказать содействие в спасении памятников Нубии. Если до 1960-х гг. существовало представление о том, что охрана всех памятников, находящихся на территории отдельных государств, является делом самих этих государств, несущих за них ответственность перед мировым сообществом, то нубийская кампания породила новую концепцию *всемирного наследия человечества*, ответственность за которое может быть разделена между всеми.

Нубийская кампания, продолжавшаяся около 20 лет, стала выдающимся успехом мирового сообщества; одновременно ее успех был обеспечен решимостью правительств Египта и Судана создать соответствующую инфраструктуру. Грандиозный реставрационный проект общей стоимостью 70 млн. долларов был более чем на 50% профинансирован из международных и частных источников.

Другим глобальным проектом стало спасение памятников Флоренции и Венеции от последствий наводнения 1966 г., при этом стали очевидными не только необходимость сохранить Венецию как единый объект наследия, но и воздействие защитных мер на Венецианскую лагуну. Успехом завершились и международные кампании в защиту Карфагена и Боробудура, чего, однако, нельзя сказать о тех приблизительно 20 кампаниях, которые проводятся сегодня и сталкиваются с различными трудностями, включая финансовые. Так, план сохранения Феса на 1975–1979 гг. был оценен в 650 млн. долларов, а его сегодняшняя оценка приближается к миллиарду долларов. Поскольку главными аргументами в защиту наследия становятся обычно художественные, исторические, археологические и культурные соображения, решения о его сохранении остаются «епархией» историков (искусства), архитекторов, работников культуры и т.п. При этом у всех вопросов, связанных с охраной наследия, существует и не менее важное экономическое

¹ Cultural diversity, conflict a. pluralism. /World culture report– 2000: Culture creativity a. markets. – Paris. – UNESCO. – 2000.

измерение (даже если вместо слова *экономический* используется термин *финансовый*). Например, ценность памятников Венеции не вызывает сомнений, причем город в целом гораздо более ценен, чем отдельные объекты наследия, сосредоточенные в нем. Однако в управлении городом власти сталкиваются с проблемами, которые совершенно очевидно имеют экономический характер. Ресурсы для поддержания жизни города являются не безграничными, а доходы от туристического бизнеса приходится сопоставлять со стоимостью содержания памятников, переполненных толпами приезжих и неизбежно изнашивающихся от интенсивного использования. До какой степени в этой ситуации применим принцип «пользователь платит»? Понятно, что по всему миру менеджеры сферы культуры все больше внимания уделяют экономическим вопросам, а экономисты, со своей стороны, все с большим интересом обращаются к проблемам наследия.

Основными вопросами для осуществления экономического анализа принятия решений в сфере культурного наследия являются следующие:

во-первых, экономисты всегда обращают внимание на дефицит ресурсов, определяющий некий выбор; соответственно, они склонны указывать на вызывающую сожаление ограниченность материальных и человеческих ресурсов, которые можно направить на сохранение наследия;

во-вторых, все ресурсы предполагают издержки: если ресурсы используются на охрану и реставрацию наследия, значит, они не могут быть использованы для других целей. Таким образом, возникают альтернативные издержки, а спектр материальных и нематериальных затрат в процессе принятия соответствующих решений весьма велик и разнообразен;

в-третьих, в качестве активов *наследие* сравнимо с *природой*, поскольку отсутствие вложений в его сохранение ведет к деградации, снижению его ценности и разрушению;

в-четвертых, анализ обращает внимание на предпочтения потенциального потребителя культурного наследия. Специалисты могут высоко оценивать памятник, но необходимо знать, как к нему относится тот, кто за него платит (например, налогоплательщик), и собственно экономическая проблема возникает тогда, когда эти оценки расходятся: те, кто осуществляет заботу о наследии, не являются теми, на чьи деньги она осуществляется.

В обществе, в котором действия человека определяет стремление к максимизации индивидуальной выгоды, экономика основана на рыночных принципах. Ортодоксы от экономической теории утверждают, что свободный рынок — лучший механизм для установления соответствия между желанными для потребителей товарами и услугами и стремлением производителей их предоставить. В соответствии с таким подходом, рынок не только обеспечивает распределение ограниченного ресурса, но и порядок, при котором потребителями ресурса являются именно те, кто за него платит. В этом случае осуществляется принцип добровольности, а тот, кто платит, видимо, рассчитывает что-то приобрести. Одновременно признается, что рыночный механизм не всегда эффективен, потребности формируются (иногда в искаженном виде) под воздействием рекламы, рыночные ценности могут прийти в столкновение с ценностями культуры, морали и т.д. Наконец, часть благ, которыми хотели бы наслаждаться все — чистый воздух, вода и т.п., — не являются рыночным товаром и могут рассматриваться как коллективное или общественное благо. Им могут пользоваться все, не оплачивая его, и никто не может лишить людей этого права.

Культурное наследие можно отнести именно к последней категории благ, не являющихся товаром, а прибыль от объектов культурного наследия настолько диффузна, что ее трудно зафиксировать в терминологии рыночных отношений. Жители городка, на центральной площади которого стоит памятник, могут с удовольствием платить за него, пока не поймут, что другие наслаждаются его красотой совершенно бесплатно. Как можно заставить платить следующее поколение, которое также будет наслаждаться этим памятником? Тот же вопрос возникает в связи с египетскими пирамидами: почему только египтяне должны платить за их сохранение, когда ими восхищается весь мир? Ясно, что,

если предоставить заботу об этих памятниках игре рыночных сил, они, скорее всего, просто исчезнут с лица земли.

Когда объекты наследия имеют прямую потребительскую стоимость, рынок может сыграть свою роль, как в случае прямого потребления культурного продукта. Желание платить может сформировать права собственности, создать соответствующий рынок или определить цену. Таким образом складывается *стоимость использования*, и рынок помогает финансировать содержание объектов наследия. Рассматривая с экономической точки зрения такие объекты наследия, как полотно Ван Гога или Тадж-Махал, необходимо различать стоимость, создаваемую в результате их прямого использования, которая может выражаться через рыночные трансакции, и не-рыночную выгоду, или *стоимость, не связанную с их товарным использованием* напрямую. Житель любой страны может испытывать удовольствие, просто зная, что эти объекты существуют, и экономисты в данном случае указывают на их *стоимость, связанную с самим существованием*. Многие также надеются в один прекрасный день увидеть эти памятники, или по крайней мере знают, что у них есть такая возможность. Это создает *опционную стоимость*. Наконец, для некоторых эти объекты имеют ценность просто как *наследство*, которое должно быть передано последующим поколениям точно так же, как оно было получено нами от наших предков. Задача экономистов состоит в том, чтобы выявить эти виды стоимости тогда, когда речь заходит о сохранении конкретных *активов наследия*, а также — определить стоимость конкретного объекта наследия, что собственно важно и для определения понятия *культурное наследие*. Как можно определить ценность объекта, отражающую самые разнообразные формы блага, которое он приносит, когда уже в самой постановке вопроса ощущается некоторая натяжка, связанная с противоречием между экономической стоимостью памятника и его культурной ценностью? Еще Джон Раскин выступал против экономистов, готовых всему приписать коммерческую стоимость, утверждая, что искусство находится за пределами этого мирского подхода.

В случае прямого использования наследия, в процессе добровольного обмена механизм ценообразования определяет его объективную стоимость. При организации торгов цена уникального или дорогостоящего (в создании) предмета под воздействием как культурных, так и экономических факторов окажется выше. Например, подлинная картина Моне может стать хорошим вложением денег, даже если новый владелец будет хранить ее в банковском сейфе, поскольку со временем это произведение будет только дорожать. Копия полотна (даже если только эксперт сможет отличить ее от подлинника) будет гораздо дешевле, но сохранит при этом свою эстетическую ценность. Аналогичным образом стоимость непосредственного использования недвижимого наследия может быть измерена на основе рыночной цены, которая отразится в стоимости входных билетов или в размере арендной платы за помещение в историческом памятнике. Но это только один из компонентов стоимости культурного наследия, его стоимость, не связанная с непосредственным использованием, может быть гораздо выше.

Главным методом определения последней является метод вероятностной оценки (МВО). Он заключается в том, что потребителя спрашивают, сколько он бы хотел заплатить, чтобы сохранить нематериальные блага, которые связаны с определенным объектом наследия. Например, жителей города, в котором на центральной площади стоит памятник, можно спросить, сколько они готовы внести в фонд, чьей задачей будет сохранение монумента. При этом ответы можно рассматривать как отражение ценности, приписываемой памятнику как символу общего культурного наследия. Люди могут отказаться платить, полагая, что и в этом случае памятник будет сохранен, или гипотетически поставленный вопрос не вызовет серьезного отношения. Несмотря на все ограничения, техника МВО, которую ранее активно использовали в экологических проектах, теперь стала применяться и в сфере культурного наследия. Существуют и иные приемлемые методики экономической оценки: *ударное исследование* (измерение широкого влияния инвестиций в сферу культуры),

*гедонические*¹ *рыночные методики* (измерение не-рыночных благ базируется на основе изучения потребностей в иных аналогичных благах), *референдумы*, когда людей просят проголосовать за государственные расходы на культурное наследие. Ни одна из этих техник не совершенна, однако в совокупности они дают важные показатели для определения ценности культурного наследия и могут скорректировать решения, в основу которых положены чисто финансовые соображения.

Предположим, что удалось измерить стоимость объекта культурного наследия так, что конечная оценка включает в себя точную *экономическую* цену, которую люди готовы заплатить за материальные и нематериальные блага, измеренные в величинах других материальных благ и услуг, от которых они готовы отказаться, чтобы получить названные. Исчерпывается ли этим проблема или существуют другие ценностные шкалы, которые также позволяют определить ценность объекта, используя совсем иные критерии? Это можно назвать другой мерой ценности объекта культурного наследия. Так могут не совпасть экономический и чисто эстетический критерии ценности, например, живописных произведений, или, иначе говоря, экономические критерии не всегда улавливают (или отражают) критерии эстетические. Следовательно, к оценке объектов культурного наследия необходим двойственный подход: ни экономические, ни собственно культурно-исторические, эстетические и т.п. критерии нельзя игнорировать в принятии решений, особенно если эти решения носят отчетливо выраженный политический характер.

Вопросы измерения представляют собой также и чисто практическую проблему. Определение экономической стоимости более прямолинейно, хотя бы потому, что она имеет количественные параметры и может быть выражена в денежном эквиваленте. Культурная ценность наследия по самой своей природе нематериальна и среди прочего включает эстетическую, историческую, духовную, социальную и символическую составляющие. Последних не только много, они еще и не имеют адекватных или общепринятых шкал оценки, и хотя более или менее систематическое измерение возможно в пределах отдельных составляющих, его результаты невозможно свести к единому эквиваленту измерения культурной ценности.

С одной стороны, выдвижение развития в качестве глобального приоритета поставило социально-экономические проблемы в центр внимания мирового сообщества. С другой стороны, началась массовая реструктуризация человеческих поселений, затронувшая их историческую часть и создавшая угрозу историческим зданиям и сооружениям. Роль первооткрывателя в деле охраны исторических городских центров в связи с их реконструкцией принадлежит ЮНЕСКО, действующей на основе Рекомендаций 1976 г. (Варшава - Найроби) и Хартии ИКОМОС 1987 г. (Тоledo - Вашингтон). Были разработаны соответствующие стратегии для городов Сана (Йемен) и Фес (Марокко). В 1985 г. инвестиции в исторический центр Саны составили около 20 млн. долларов; ее результатом стали изменение стоимости земли в городе, а также отношения части населения к наследию и своим историческим городам.

Примером может служить проект по восстановлению Феса, включивший практическую попытку оценить бесценное. Это древнее поселение в Марокко и сегодня сохраняет значение религиозного центра для многих мусульман, а для широкой публики является важнейшим архитектурным и культурным реликтом Марокко. В 1998 г. Мировой Банк выделил 14 млн. долларов на реставрацию и воссоздание его центральной части (в пределах городских стен), предполагающее сохранение художественного ремесла, восстановление традиционной жилой архитектуры и городской среды, а также поддержание и развитие духовных и культурных функций города. С применением Дельфийского метода было проведено специальное исследование стоимости общественного блага, создаваемого

¹ В соответствии с гедонической теорией спроса, потребитель готов заплатить за товар цену, отражающую сумму характеристик товара, то есть предметом спроса является не сам товар, а его свойства.

данном объектом наследия, через определение того, за что и сколько люди хотели бы заплатить в ходе восстановительных работ¹.

Деньги, израсходованные на культурное наследие, иногда сравнивают с деньгами, истраченными на мороженое, – от них остается только сладкое воспоминание. Понятно, что данное сравнение не корректно, поскольку вложение в культурное наследие сохраняет или даже увеличивает его стоимость. Поэтому экономисты предлагают рассматривать наследие как *активы*: великие соборы или коллекции можно считать капиталом, который в течение длительного времени обеспечивает предоставление определенных услуг. Деньги, истраченные на этот капитал, являются *инвестицией*: средства, вложенные в археологическое местонахождение, увеличивают объем предоставляемых услуг. С экономической точки зрения, можно уточнить, что культурное наследие отличается, скажем, от фабрики, поскольку генерирует, во-первых, культурные ценности и только в отдельных случаях — доход. Поэтому их лучше назвать *культурным капиталом* или *активами*, которые содержат или создают культурную ценность. В отличие от обыкновенного здания, стоимость которого выражается в чисто экономических понятиях, историко-культурный объект оценивается и в экономическом, и в культурном отношении. Определяя размеры его активов и такие их характеристики, как обесценивание или износ, оптимальный уровень расходов на содержание и норму прибыли, необходимо учитывать и экономическую, и культурную ценность.

Отношение к наследию как культурному капиталу вводит понятие *долговременной прибыли*, которую он создает, и подчеркивает тот факт, что мы унаследовали и его, и само решение о сохранении его, равно как и произведенные нашими предшественниками инвестиции, и все это должны передать потомкам. Управление ресурсами в расчете на получение прибыли в будущем составляет важный аспект экономической эффективности. Об этическом аспекте вопроса еще в зените индустриальной революции говорил Дж. Раскин, предостерегая современников от разрушения исторических памятников. Они не наши, писал он, поскольку отчасти принадлежат тем, кто их создал, и отчасти – всем последующим поколениям людей. Вопрос *межпоколенного равенства* уже стал одним из ключевых для стратегии устойчивого развития в экологической сфере.

Можно также провести определенные параллели между *природным и культурным капиталом*: люди должны передать последующим поколениям в равной мере и сохраненную природную среду, и культурное наследие; потери из-за отсутствия заботы об их сохранении будут невозможны.

Недостаточная эффективность рыночных механизмов заставляет искать новые способы достижения социально целесообразного результата. Государство может осуществлять свое вмешательство на локальном, региональном, национальном и международном уровнях, приобретая, поддерживая сохранность, восстанавливая и обеспечивая доступ к объектам культурного наследия. В этом также могут принимать участие корпорации, сообщества граждан, фонды и отдельные филантропы, которые оказывают разнообразную поддержку музеям, памятным местам, историческим зданиям и т.п. С экономической точки зрения можно доказать, что работа отдельных лиц и некоммерческого сектора имеет больше преимуществ, поскольку государственные расходы – это расходы, оплаченные всем обществом, но при этом совершенно не известно, какая его

¹ Так по результатам данного проекта потенциальные экономические выгоды были распределены на следующие пять категорий:

- 1) полученные жителями восстанавливаемого Феса;
- 2) приобретенные гражданами Марокко в целом;
- 3) полученные иностранными посетителями Феса;
- 4) приобретенные иностранными туристами, не посетившими Феса;
- 5) обретенные не-марокканцами, никогда не бывавшими в этой стране.

Основной акцент исследования был сделан на три последние категории, а его результаты показали очень высокую степень эффективности проекта: только повышение налогов на туристический бизнес в стране могло бы дать суммы, гораздо большие, чем предоставленный банком заем.

часть непосредственно в этом заинтересована. Социологи утверждают, что третий сектор или гражданское общество, отличные от рыночных или государственных структур, состоят из добровольных ассоциаций, таких, как семья, сообщества и некоммерческие организации; а значит – в их деятельности проявляется чувство личной ответственности и вовлеченности, которые доминирующими государством или рынком обычно подавляются. Взаимоотношения здесь строятся на обмене дарами, например, в форме благотворительного финансирования гражданами фондов, которые, в свою очередь, выделяют средства на культурные проекты. Индивидуальная активность не ограничивается национальными рамками: Американский фонд Гетти финансирует проекты, связанные с наследием, по всему миру.

Третий сектор сыграл важную роль в начале XX в., обратив внимание общества на проблемы наследия. Вскоре и государство стало расширять свою роль в вопросах сохранения наследия, политики – демонстрировать свой интерес к нему, чиновники – развивать такие формы государственного участия, как прямое приобретение объектов наследия, поддержка частных владельцев памятников, налоговые льготы, правовое регулирование и т.п. Такие меры, с точки зрения экономики, вызывают два вопроса: проводится ли сравнение стоимости проектов с их альтернативами и исследовано ли воздействие такой политики на частную инициативу тех, кто заботится о наследии и получает от этого выгоду. Государственная собственность приводит к исключению рынка из регулирования стоимостных отношений, размеры расходов здесь определяет правительство. Согласны ли налогоплательщики с тем, что основные бенефициары этих государственных расходов — иностранные туристы? Можно предположить, что альтернативные государственной собственности формы поддержки культурного наследия во многих случаях могут оказаться более эффективными, хотя общественная собственность предпочтительнее, если речь идет о памятниках общенационального значения или чрезмерно трудных для управления.

Государственное субсидирование негосударственных структур, работающих с наследием, иногда приводит к иждивенческому поведению и постоянной борьбе за увеличение финансирования. Одним из механизмов преодоления этого недостатка является пропорциональное (по сравнению с долей частного участия) финансирование проектов или, например, налоговое регулирование, стимулирующее частную инициативу. Однако политики предпочитают прямые ассигнования, поскольку они оказывают непосредственное воздействие на объекты наследия и ясно показывают, насколько правительство о них заботится. Нормативно-правовое регулирование предполагает создание и соблюдение законов, правил и стандартов и может иметь жесткий или мягкий характер¹. Правительство может также привлечь внимание общественности к состоянию памятника, распространять информацию о наследии и т.п.

Экономические вопросы стоимости и стимулирования частной инициативы необходимо решать, когда речь идет о выделении дефицитных ресурсов на статью *культурное наследие*. Слишком часто сторонники реставрации наследия, подчеркивая его культурную ценность, не учитывают экономической составляющей проекта. Слишком многие государственные меры разрабатываются без учета их воздействия на частную инициативу. Экономисты же обычно делают акцент на индивидуальной ответственности и демократических формах принятия решений — поэтому их подход оказывается созвучен нерыночной активности *третьего сектора*, в которой важное место занимает обмен дарами (безвозмездная деятельность), работа волонтеров и т.п. При таком подходе за государством сохраняется важнейшая задача реализации отдельных проектов, стимулирования частной инициативы, контроля и обеспечения коллективных интересов по сохранению мирового наследия.

¹ К числу жестких мер можно отнести включение памятников в списки охраняемых государством объектов наследия, к более мягким – включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Последнее – почетно и связано с определенной ответственностью, а также может оказать определенное влияние на стоимость активов памятника.

Названные выше инструменты обеспечивают эффективность государственной культурной политики в сфере наследия, однако встает экономический вопрос: чьи предпочтения должны здесь определять государственную политику. В этом смысле наследие, для экономиста, является *рекомендуемым к потреблению благом*, то есть объектом, который широко признается как достойный потребления и правительственной поддержки. Однако экономической проблемой *достойных благ* является невозможность определить необходимый уровень обеспечения этими благами. Одновременно вопрос о предпочтениях связан и с международной ответственностью за национальное наследие, и западные страны могли бы оказать материальную поддержку, например, сохранению наследия Италии, поскольку оно составляет драгоценную часть наследия Запада в целом. Из этого возникает потребность в международной политике в сфере наследия, которую бы координировали организации, подобные ЮНЕСКО. Однако такое взаимодействие на международном уровне по-прежнему порождает проблемы, поскольку необходимые механизмы финансирования и исполнения решений пока отсутствуют.